

Жизнь пред ликом Пушкина

Светлой памяти В.Ф.Кашковой

Под утро 10 мая 2011 года в Торжке ушла из жизни Валентина Фёдоровна Кашкова, преподаватель русского языка и литературы, исследовательница жизни и творчества А.С.Пушкина.

С Валентиной Фёдоровной меня связывали самые добрые и доверительные отношения, которые начались с октября 1996 года, когда я собирал материал для своей книги *Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург*, и закончились со смертью Валентины Фёдоровны. Последний наш телефонный разговор состоялся накануне этого скорбного события, когда я, находясь в Царскосельском саду, поздравлял её с Днём Победы...

У нас было множество встреч. Все они, за исключением одной московской, происходили в Торжке. Было у нас и множество совместных поездок по Торжокскому району и Тверской области: Берново, Медное, Вышний Волочек, Кувшиново, Выдропужск... Ещё больше было телефонных разговоров: полагаю, за пятнадцать лет несколько сот, причем длились они обычно не менее получаса. Была у нас, увы гораздо меньшая, переписка...

За эти годы у меня сформировалось своё представление о значении В.Ф.Кашковой – не только для меня, но и для Торжка и для России в целом, и я попытаюсь изложить его. Разумеется, это будет взгляд весьма субъективный, спорный и небеспристрастный, но как можно говорить или писать отстраненно, если речь идет о близком, дорогом человеке?

* * *

Учительство и ученичество

Педагогический талант В.Ф.Кашковой проявился в её многолетней профессиональной деятельности, он зримо отражается в её сотнях и тысячах учениках и последователях самого разного возраста в самых разных концах страны, а незримо – во всё еще сохраняющейся культуре русского языка, несмотря на ежечасное его нивелирование. О том, каким педагогом (в академическом смысле) была Кашкова, надеюсь, расскажут её непосредственные ученики. Я же был (и остаюсь!) её учеником вольным, не сидящим за партой на уроках или лекциях. Но, как всякий ученик, я и экзамены ей сдавал, и оценки за них получал тоже...

Главный урок Кашковой состоит в неустанной и каждодневной работе над Словом. Пишущий человек, литератор (иной раз его можно назвать и высоким словом *писатель*), обязан трудиться, покуда в нем есть силы думать и держать перо, при этом его писательский труд должен сочетаться не просто с уважением, а с *любовью* к тому, о ком или о чём он пишет, о чем повествует. О дурном, пошлом, низком, считала Валентина Федоровна, писать не стоит, как не стоит о том даже и думать. «*Об этом и без нас есть кому писать*», – любила повторять она. И действительно, книги Кашковой потому и светлы, что в них нет места ненависти, злости, стремления свести счеты. Когда я передавал ей для прочтения свои рукописи, еще до их публикации, Валентина Федоровна, щадя мое честолюбие, едва заметным подчеркиванием обращала внимание на некоторые сомнительные строчки или отдельные слова. И я тотчас и безропотно подчинялся её замечаниям, понимая, что это-то и есть самые бесценные и счастливые уроки... То же случалось и в разговорах, при обсуждении предстоящих тем и будущих планов. И когда иной раз я вспыхивал жестким словом, то сразу же слышал в ответ медленно произнесенное и твердое кашковское «*Не надо!!!*». И это тоже становилось уроком... Нечто подобное могут припомнить все друзья и близкие Валентины Федоровны.

Другой урок Кашковой – умение радоваться жизни и удивляться малому. Валентину Федоровну было трудно удивить чем-то сверхординарным, глобальным, планетарным, но вовсе не потому, что оно её не заботило, и не потому, что она уже многое повидала, пережила и перечувствовала... Напротив, её живо интересовало всё происходящее вокруг, в том числе и глобальное, но она находила его проявления в том, что нам кажется мелким, ничего не значащим. В своём *Слове о Пушкине* академик Д.С.Лихачев отмечал, что тайна безмерного обаяния поэта заключалась в том, «*что он в каждое мгновенье жизни, в каждой песчинке видел, ощущал, переживал огромный, вечный, вселенский смысл*».¹ Такой же была и В.Ф.Кашкова: вглядываясь в малое, для большинства из нас пустяшное, она по-детски радовалась, потому что видела в этом малом нечто

большее... Расцветший цветок, особенно если это ромашка; севшая на подоконник ворона; неугомонный сверчок; прохладный дождь после жары; долгожданное солнце после затяжного дождя; первый пушистый снег; первое весеннее тепло и набухающие почки на ветках... Все это принималось Валентиной Федоровной с благодарностью, приносило ей радость, удивляло, заботило, давало силы и наполняло поэтическим озарением, и, что очень важно, она умела со всем этим разговаривать, вступать в диалог. Вот, например, как и в чём она умела распознать Память, сокрытую еще со времен Годуновых в дорогах ей Малинниках:

«Память... Она и в строках стихов на беломраморных досках стел, и в рассказах, полных легенд, в десятках книг, но больше всего в чем-то неуловимом – в запахе трав, шелесте ветвей дубов и лип, в аромате цветущей сирени и в этих голубых цветочках, с золотым солнышком сердца, в незабудках, доверчиво разбежавшихся по старому парку Вульфов...»²

Вовсе не случайно Кашкову живо интересовал Марсель Пруст со своим бездонным романом *В поисках утраченного времени*. Но, в отличие от великого романиста, в душе Валентины Федоровны не было места унынию, как не было в ней и самокопания с упреками за неделанное, несозданное, ненаписанное... В этом она была ближе к своему главному герою – А.С.Пушкину. Собственно, у Пушкина этому она и училась. В послесловии к своей книге *Утешен буду я любовью...* – Кашкова размышляет о только что закончившемся юбилейном пушкинском годе:

«Год жизни, год ученичества в созвездии Пушкина. Чему он научил меня?.. Не спешить. Всмотриваться в то, что быстрым потоком уносится в прошлое. Выбирать из много – малое, видеть ту каплю, в которой отражается что-то значительное. Учиться с благодарностью принимать любой посильный вклад в дело просветления души, вершить свое малое дело без суеты и сомнения в его нужности: из малого возникает великое».³

Ну а нам здесь остается обратить внимание на ученичество самой Кашковой, на уроки, которые преподнес ей юбилейный пушкинский год!

Валентине Федоровне – под семьдесят! Позади сорок пять лет преподавания будущим преподавателям, почетное звание Заслуженный учитель республики, медаль К.Д.Ушинского, несколько книг, десятки исследований, сотни статей и... постоянная, непрерывная, ежечасная работа над собой, а проще говоря – ученичество...

Таковой была Валентина Федоровна Кашкова!

Повествователь

Всякий, кто когда-либо видел или слышал Кашкову, подтвердит, что она была редкостным рассказчиком-повествователем. Не искусным интерпретатором однажды услышанного, увиденного или прочитанного, а передатчиком пережитого – того, что, как наверняка сформулировала бы

сама Валентина Федоровна, *прошло через ее сердце и душу*. Она столь искусно передавала пережитое *когда-то* и переживаемое *сейчас*, что все выступления Валентины Федоровны заставляли по-особенному переживать и каждого, кто её слышал. Оттого любое появление Кашковой перед аудиторией – от встреч с детьми до высоких юбилейных собраний – становилось не только уроком русской словесности и уже почти исчезнувшей этики, но и своеобразным познавательным спектаклем, в котором *душа с душою говорит*. И, вспомните, если речь идет о каком-то памятном поэтическом вечере или праздничном мероприятии, то Валентина Федоровна своим словом его, как правило, завершала – она была замыкающей... Каждое её слово становилось и весомым, и высоким, и памятным, и даже паузы, которыми она переводила свой и наш дух, были многозначительными и стоили порой больше иных слов... В отличие от популярных на всю страну телевизионных рассказчиков, Валентина Федоровна никогда не позволяла себе ни эпатажа, ни ложной патетики, ни высоких надрывных нот с жестикуляцией и активным перемещением по кафедре (сцене)... Тишина, паузы, короткие легкие фразы, открытый и обращенный к каждому взгляд... И вновь пауза, и вновь тишина... Вещать после Кашковой, конечно, было можно, но это уже было настолько лишним, что это чувствовали все присутствующие. Поразительно, но, будучи невероятно артистической, почти театральной натурой, Валентина Федоровна была совершенно чужда того, что называется актерством или лицедейством. Всюду и всегда она играла только саму себя. Можно даже назвать это ролью *Кашковой*. И эта её роль – *КАШКОВА* – стала не столько её именем, сколько званием и должностью, а в последнее десятилетие еще и состоянием души, которое, несмотря на очевидную тяжесть, укрепляло её израненное болезнями тело...

Кашкова – стало еще и призванием, которое многое позволяло Валентине Федоровне, но оно же принуждало от еще большего отказываться, обрекая в конце концов на одиночество. Да-да! Как всякий истинный и честный мыслитель, Валентина Федоровна не могла не остаться одинокой, ибо даже самые верные и близкие не поспевали за ней... Близким и друзьям Валентины Федоровны, не говоря уже о приятелях и знакомых, было непросто, а иногда и чрезвычайно трудно рядом с нею. Ведь надо было постоянно тянуться к её высоте, к её мироощущению и миропониманию, которые, в свою очередь, непрерывно расширялись, вплоть до последнего её вздоха... Но и самой Валентине Федоровне было очень непросто, да что там – куда более труднее и сложнее быть и жить рядом с нами, принимая нас такими, какие мы есть, подтягивая нас к себе и добрым словом, и своим участием...

*Где одиночества начало?
Четыре грустные стены,
пустое место у причала,*

где лодки приставать должны?..

*А может быть, совсем иначе
селится рядом пустота,
когда уж ничего не значит
толпы безликой суета?..*

*И добровольно одиноко,
костром сжигая ночь мою,
я неподатливые строки
в твоей улыбке узнаю...
(в игре словесной узнаю)*

Собеседник

Каждый, кто был близок к Валентине Федоровне Кашковой, знает, что лучшего собеседника ему уже не найти. Правильнее даже сказать не собеседника, а *сопереживателя*. Валентина Федоровна не только тебя *слушала*, что сегодня встречается не часто, не только *слышала*, что встречается еще реже, она тебя еще и *понимала*, а это в наши дни качество и вовсе исключительное, и я нахожу его самым ценным и наиболее важным. У Валентины Федоровны не было рядовых, дежурных, ничего не значащих, «пустых», как она сама их называла, бесед. Она не позволяла себе так называемого *общения*, на которое мы все горазды и которого часто ищем. Валентина Федоровна не *общалась*, она ***разговаривала!*** И в каждом таком разговоре – лицом к лицу, по телефону или в письмах – она вслушивалась в интонацию голоса, всматривалась в глаза, вчитывалась в строку, то есть буквально вкладывалась в нас, силясь понять, что нас тревожит сейчас и что будет тревожить в будущем. Вместе с тем она старалась предвосхитить всё лучшее, что только в нас имелось, настойчиво отвергая в нас уныние, суету, а иногда и пошлость, если мы их проявляли. Она словно прислушивалась к душе того, с кем говорила, проникала в неё и разговаривала уже не столько с нашим бранным телом, сколько с нашей душой. Это и есть тот самый случай, когда *её душа с твоей душою говорит...* Вот почему мы так стремились к разговору с Кашковой. Вот почему мы находили в нём и бесценный совет, и спасительное утешение, вот почему каждый разговор с Валентиной Федоровной укреплял наши сердца, делал нас сильнее, живучее, работоспособнее и... терпимее, примирительнее к окружающему миру, ко всем живущим рядом с нами и вместе с нами. И, замечу, слово *душа* Валентина Федоровна повторяла чаще всех прочих слов. В некоторых её книгах оно встречается по несколько раз на странице. В стихах, которые собраны друзьями Валентины Федоровны (это более двухсот страниц), слово ***душа*** употребляется восемьдесят пять раз! А ведь даже любимый Торжок упомянут в этих стихах только двадцать семь раз...

Историк и летописец

В своих книгах Валентина Федоровна Кашкова предстает вдумчивым историком, честным, но не беспристрастным летописцем.

Способности историка проявились в её работах, посвященных XIX веку, А.С.Пушкину и всему тому, что с ним связано. Таковы её очерки об А.П.Керн, Д.Е.Пожарской, А.И.Готовцевой, П.А.Осиповой-Вульф... Как видим, Валентину Федоровну особенно интересовали женщины тверской земли, с которыми так или иначе был связан поэт. Её вообще особенно интересовала тема пушкинской любви к женщинам, и обладателя больших знаний и лучшего собеседника на эту тему я не встречал. Прекрасное знание пушкинской библиографии и умение работать с источниками, доскональное знание краеведения, географии и истории родного Верхневолжья, плюс к этому незаурядное аналитическое и историческое мышление (Кашкова никогда не заглядывала в будущее, оставляя его одному только Богу), плюс ко всему её внутренняя свобода, пожалуй, даже вольность – все это позволяло В.Ф.Кашковой решать самые сложные задачи, докапываться до сути, видеть то, чего никто до нее не видел, а владение уходящим в старину слогом позволяло все это еще и запечатлеть...

Конечно же, замечательные исторические работы Кашковой посвящены ее родному Торжку. Чтобы убедиться, достаточно прочесть её очерк *Афиши старые читая...* – о зарождении в Торжке театра. Здесь Кашкова проявила себя как мастер по работе с таким необычным источником, как театральная афиша... А вообще, историзм Кашковой, попытка разглядеть туманное прошлое проглядывается во всех ее книгах, во всех очерках и статьях. Она, действительно, отчасти жила XIX веком, знала о нем нечто такое, чего не знаем и уже никогда не узнаем мы. Освободившись от своих профессиональных педагогических обязанностей, Валентина Федоровна готовилась к новым исследованиям, была полна планов и замыслов, но... священный человеческий долг призывал её отложить задуманное. Историк должен был уступить летописцу и повествователю. Она мучилась сомнениями, но в конце концов выбор сделала...

Хотя душой и сердцем Валентина Федоровна пребывала в её любимом девятнадцатом веке, реально родилась и жила она в веке двадцатом – веке немилосердном, неромантическом, роковом. И жить ей выпало в России, и, как и миллионам соотечественников, ей пришлось жить во время великой войны. Подобно десяткам тысяч других жителей, она оказалась в прифронтовой полосе, в родном Торжке, оставленном Красной армией, но не взятом Вермахтом. Восьмилетняя Валя Кашкова чудом спаслась от страшной бомбежки, которая осталась незаживающей раной на ее сердце, а День Победы стал для неё самой священной датой...

Пережитое в годы войны Кашкова вспоминать не любила, но с годами, особенно после того как оставила педагогическую работу в педучилище, в ней стало расти сомнение: верно ли она поступает, заглушая в памяти огромное народное горе, свидетелем которого она была? И если не она, то кто тогда оставит будущим новоторам память о страшной трагедии родного города? И не для того ли сберегло её Провидение, дав талант повествователя и писателя, чтобы она запечатлела великое горе, случившееся в дни её детства?

И вот, отложив волнующие судьбы великих писателей прошлого, весь золотой XIX век и даже самого Александра Сергеевича Пушкина, Валентина Федоровна берется за самый тяжкий, самый мучительный, почти невыносимый труд: создание книги о Торжке военного времени...

Написание подобной книги – это не просто стройное изложение на чистом листе однажды пережитого. Нет! Это значит пережить (или не пережить!) всё то же самое еще и еще раз! *Ещё и ещё* – потому что писательский труд сопряжен с многократным переписыванием, перечитыванием, а следовательно, и с переосмысливанием и буквальным *переживанием* того, о чем повествуешь. Ведь Кашкова писала не совсем о прошлом, а для неё и не прошедшем, – она писала о своей жизни и о своей смерти... Но как, имея цепкую профессиональную память (Валентина Федоровна до последних дней *с голоса* запоминала десятков страниц сложного текста), недюжинное воображение и больное сердце, подняв из глубин памяти случившуюся с тобой беду, пережить её еще и еще раз?! Во что это обойдется?

Но тут уж было не до размышлений. Долг – писательский, гражданский, человеческий – обязывал! И это было важнее всего на свете, важнее даже жизни... Вот небольшой штрих, памятная зарисовка из прошлого...

Уже всю войну. Советская армия отступает. Фронт неотвратимо приближается к родному городу, к отчему дому. Мужчины мобилизованы. Главной фигурой становится женщина. Торжок накануне беды:

«Когда мама работала на рытье рва, она не успевала в полдень подойти корову. Потом ей пришлось ходить на выгрузку дров у Дальней Троицы. Оттуда, километра за четыре, на полдни не сбегаешь. Пришлось за подойник взяться мне. Сама выдоить корову я не могла, да и подойник донести до дома – тоже. На помощь приходили женщины с нашей улицы. В те дни люди жили дружно: сидели с чужими детьми, старались их накормить, делились всем, что имели, помогали престарелым. Наши мамы были как сестры...»⁴

Наши мамы были как сестры... – каково?! И разве одно это живое свидетельство не стоит того, чтобы о нем узнали потомки, не только в Торжке – во всей России?!

А вот и сама война. Она явилась в Торжок 14 октября 1941 года в виде страшного авианалета:

«Казалось, что в небе появились стаи хищных птиц. Всё в единый миг превратилось в ад: свист бомб, взрывы, вспышки пламени, столбы дыма, отчаянные крики, плач... Самолеты кружили в жуткой, зловещей карусели: одни отбомбят – на смену им появляются другие. Казалось, само небо падало на нас, орошая город огненным дождем. А потом и неба не стало видно. Поднимались клубы дыма, летели снопы искр, ветер разносил их по городу. Огромный костер гудел страшным, неслыханным гудом...»

А вслед за этим начался исход жителей... Да нет, пожалуй, не исход, а жуткий, хаотичный и спасительный бег из пылающего города. Бег под пулеметный обстрел тешащихся в безнаказанности фашистских летчиков...

«Мама схватила меня за руку, и мы бросились вниз, к ручью. Зловещий шум пожара, взрывы, крики как будто тоже бежали за нами. Самолеты летали низко, кружили над бегущими, расстреливая их... Со свистом падали зажигательные бомбы. Сначала появлялся белый туманный шар, внутри него через мгновение вспыхивало пламя. Бойцы забрасывали бомбы землей – и пламя с шипением угасало. Мы бежали, перепрыгивая через шипевшие кочки, не думая, что это бомбы. Позади раздавались взрывы – сбрасывали и фугасные бомбы. Впервые я увидела убитых, взрослых и детей. Они лежали, уткнувшись лицом в землю. Смерть застала их на бегу. Люди перепрыгивали через них!.. Я не успевала испытывать ужас, только смотрела под ноги, чтобы не споткнуться и не упасть. “Ложитесь!” – кричали военные. Но люди словно обезумели – страшный бег продолжался...»⁵

Но вот пылающий Торжок с оставленным отчим домом позади. Выжившие выжили... В диком ужасе от произошедшего, в полном неведении о судьбе родных, без теплой одежды, без еды, без крова остались они один на один с бедой и наверняка бы пропали, если бы не помогли жители соседних сел, которые отозвались на беду – приютили, накормили, обогрели... Но как там Торжок?

«Ночью вышли из дома и, стоя на пригорке возле каменного амбара, смотрели на город. Огромный костер, охватом в несколько километров, полыхал вдали. Небо было раскаленным, дым пожарища и запах гари ветром доносило до деревни. Мы стояли молча, страиась вопроса: “Что делать дальше?”»⁶

Ужасающая картина, представившаяся взору юной девочки, поистине эпическая. Ведь то же самое видели и далекие предки новоторов, спасавшиеся из разорённого Торжка, который за свою тысячелетнюю историю не меньше десяти раз предавался огню и мечу. Они тоже спасались от нашествий, бежали куда глаза глядят, гибли, и стар и млад, а спасшиеся глядели затем на пылающий город, задаваясь все тем же судьбоносным «Что делать дальше?»...

Но Великая отечественная – не стихийное бедствие, не мрачное трагическое мероприятие, а долгий тягостный период, когда вслед за надвинувшимися бедой и горем приходят лишь новая беда и новое горе... И то и другое никого не обошло. Весной 1943 года при обороне Ленинграда

погиб отец Валентины Федоровны – Фёдор Александрович. *«Надо было отвыкать от дорогой мечты: “Вот кончится война, вернется папа...”»* – с горечью вспоминала Валентина Федоровна... Так и тянулись дни, месяцы и годы изнурительного труда и мучительного ожидания – новой беды и одной на всех победы. И когда эта победа наконец пришла, стало очевидным, что эта великая и долгожданная Победа нераздельна с великой Бедой и Скорбью, и потому не может быть Девятое мая одним лишь праздником, о чем хорошо бы нам всем помнить. Вот живое свидетельство В.Ф.Кашковой о Дне Победы в Торжке:

«Площадь гудела: разговоры, крики, даже выстрелы, которых никто не пугался. Все ждали начала митинга, ждали особых слов, чего-то небывалого, но по площади прокатывалось только одно: “Победа! Победа! Ура! Победа!” Наконец зазвучала музыка, все замолчали, раздались первые слова с трибуны. Мы не могли разобрать, что там говорили: голоса эхом разносились над тысячной толпой. Говорили один за другим, сначала мужчины, военные, гражданские, потом несколько женщин и девушек. И вдруг все замолчали. Наступила мёртвая тишина. Мы не поняли, в чём дело. Такого мы никогда не видели... Слышно было только дыхание тех, кто стоял рядом, да сдержанные всхлипы... Через минуту тишина будто взорвалась, раздалось рыдание, плакали сотни людей, словно прорвалась плотина! Плакали мужчины и женщины, старые и молодые. Не плакали только дети: мы смотрели и слушали, окаменев, жизнь никогда еще не устраивала нам такого испытания...»⁷

Конечно, не только Кашкова хранила священную память об этом событии. Каждый, кто был в тот день на городской площади, всю оставшуюся жизнь нёс в своем сердце трепет того незабываемого Дня. Вероятно, не одна только Кашкова решила запечатлеть пережитое. Но именно она написала и оставила новоторам Книгу – живое и неподдельное Слово о Торжке и о страшной войне, вошедшей в дом каждого его жителя. Без этой книги история Торжка осталась бы не просто неполной: это была бы история без живых людей, она бы осталась лишь сухой строкой из учебника, такой же выхолощенной и безжизненной, какой предстает перед нами история былых сожжений Нового Торга в далеком прошлом...

Но, написав и оставив новоторам такую книгу, сама Валентина Федоровна растерзала вконец и без того израненное сердце. Что ж удивительного в том, что она ушла от нас как раз после того, как пережила еще один День Победы? Да, пережила! И только под утро следующего дня ушла, напомнив всем, что девятое мая не столько предлог для очередного праздничного салюта, сколько повод для скорбной памяти и тихих слёз...

Пушкин. Первая встреча

Каждый, кто знает В.Ф.Кашкову, знает и то, что её имя неразрывно связано с именем нашего национального поэта. *Торжок, Пушкин, Кашкова* – в моем представлении, независимо от очередности их написания или произношения, эти три слова настолько связаны между собой, что я не представляю себе их автономного, одно без другого, существования. Я даже не знаю, надо ли добавлять к этим словам еще одно заветное слово – *Россия*, столь очевидна связь с Россией и её национального поэта, и древнейшего русского города, и всю свою жизнь верой и правдой служившей им В.Ф. Кашковой...

Самая первая осознанная встреча А.С.Пушкина с Торжком произошла, судя по всему, в двадцатых числах июля 1811 года, когда двенадцатилетний Саша, проезжая с дядей через Торжок, выглянул в окно почтовой кареты и увидел слева по ходу вывеску с запоминающимся именем *Евгений Онегин*... Об этом хорошо известно. Но когда и при каких обстоятельствах произошла самая первая встреча Кашковой с Пушкиным, точнее – с пушкинской строкой?

Все той же первой военной осенью 1941 года, вскоре после страшной бомбежки, когда восьмилетняя Валя оказалась в доме своей бабушки в деревне Малая Киселёнка близ Государевой дороги. В том доме, на чердаке, в большой бельевой корзине, хранились старые книги, летом 1917 года вывезенные из революционного Петрограда Валиным дедом – Константином Петровичем Лениным.

То были красивые книги о неведомых землях и странах с чудными иллюстрациями индейцев, диковинных животных, невиданных растений и цветов... Но вот однажды, *«когда мама на несколько дней уехала в город, я упросила бабушку разрешить мне самой влезть на чердак. Было это зимой: помню, что у меня мерзли руки, пока я рылась в корзине. Среди книг без обложек я нашла одну, на которую мама не обратила внимания – книжку стихов...»*.⁸

И вот уже Валя расправляет помятые и влажные страницы неведомой книжки, протирает их сухой тряпочкой, глядя на строфы, силится их прочесть, распознать смысл того, что уже и без всяких знаний притянуло к себе её детскую душу, да так, что уже никогда не отпустит... *«Румяной зарею покрылся восток...»* – первая прочитанная строка.

Детское воображение тотчас нарисовало картину, какую едва ли вообразит взрослый. Но что это была за картина?

Предвиделись ли мирные и счастливые пейзажи с родительским домом, сиренью, огородными грядками, ручьем и дорогими лицами близких? Или это была кровавая заря от только что пережитой бомбежки, с глядящим на неё с неба перекошенным лицом фашистского летчика?

То было мгновенье, от которого зависела дальнейшая судьба Валиной души, останется ли она живой, отзывчивой, открытой и страдающей или

навсегда закроется, омертвится уже в столь раннем возрасте, как это произошло с тысячами или даже с миллионами детей, переживших войну... Вот в какой страшный и судьбоносный миг произошла её самая первая встреча с необычными стихами, выразительность которых ворвалась в воображение восьмилетней девочки, только-только познавшей, по её же словам, *настоящий ад*.

Но, к счастью, восьмилетней Вале попались стихи Александра Сергеевича Пушкина! В её руках оказались спасительные строки нашего национального поэта, нашего русского Солнца, того, кого однажды назвали *нашим всем*, и того, кто уже и прежде в самые тяжкие минуты спасал многих-многих... И когда Валя прочитала вслух: *Румяной зарею покрылся восток...* – её бабушка, услышав знакомое, тотчас подхватила:

*...В селе за рекою
Потух огонек.
Росой окропились
Цветы на полях,
Стада пробудились
На мягких лугах.
Туманы седые
Плывут к облакам,
Пастушки молодые
Спешат к пастухам...*

Так перед восьмилетней девочкой предстал светлый пушкинский мир, населенный добрыми и светлыми людьми, мир, в котором нет места унынию, отчаянию, мелочности, лукавому притворству... Так зарождался бесконечно необозримый и открытый всем и каждому удивительный духовный мир Валентины Федоровны Кашковой.

Пушкинист Верхневолжья

«Я не люблю выражений: “пушкинист” или “занимается Пушкиным”... Я Пушкиным не занимаюсь, и я не “пушкинист”. Просто я его люблю. И в течение сорока лет встречаюсь с ним, преподавая литературу», – так жестко и определенно высказалась однажды Валентина Федоровна.⁹

Но мы-то знаем, что Кашкова была самым настоящим пушкинистом, а сам Александр Сергеевич занимал её всю жизнь.

Пушкинист – высшее литературное звание в России, самый редкий и самый непостижимый титул, которого только можно удостоиться литератору, и носителем его были не многие. Имена П.В.Анненкова, П.И.Бартенева, Н.Н. Страхова, В.М.Жирмунского, Б.Л.Модзалевского, М.О.Гершензона, Б.В.Томашевского, П.Е.Щеголева, В.В.Вересаева, С.М.Бонди, С.М.Эфроса,

М.А.Цявловского, Ю.М.Лотмана, Н.Я.Эйдельмана и других выдающихся исследователей жизни и творчества Пушкина всегда были почитаемы Кашковой, а работы их – настольными у Валентины Федоровны в продолжение всей жизни, равно как и мемуары, дневники, переписка друзей, знакомых и современников великого поэта. Все эти имена, более или менее нам знакомые, много раз упоминались Кашковой, а их книги хранились в её заветном «пушкинском» шкафу. Но не единожды слышали мы от неё и то, что лучший *пушкинист* – сам Александр Сергеевич, *надо только уметь его читать*. При этом отношение к Пушкину у Кашковой не было идолопоклонническим. Она не творила из него кумира, которому должно слепо поклоняться. Валентина Фёдоровна верой и правдой служила Пушкину и, как и сам А.С.Пушкин, служила русской литературе. Служила, но не прислуживала.

«Может, не стоит кричать каждый день – “Пушкин! Пушкин!”. *Может, лучше его спокойно читать и думать над прочитанным? Может, и не каждый день читать, и не каждый час думать. Мы же не роботы. В нашу жизнь каждый день приходит что-нибудь новое, иное. Пушкину было бы страшно представить, что у нас, его потомков, есть лишь только он. У нас есть целый мир, тот самый, в котором Пушкин жил. Посмотрите на его библиотеку, на книги, которые он успел прочесть. Вот и нам надо успеть. Иначе мы и его не поймем. Это невозможно объяснить: “Изучать Пушкина”, “Работать над Пушкиным” - я этого не понимаю... Приходит время к нему обратиться, когда без него нельзя, и тогда ты не «работаешь над его произведениями», а наслаждаешься ими или задаешь себе бесчисленные вопросы».*¹⁰

Такое отношение к нашему национальному поэту можно принять и за бесценное завещание, и за мудрый наказ, и за еще один кашковский урок... Но всё же, можно ли назвать Валентину Федоровну пушкинистом, поставив в один ряд с выдающимися пушкинистами прошлого и настоящего?

Ответ вполне определенный: можно и нужно!

Со времен самых ранних опытов изучения поэтического наследия и жизни первого поэта России пушкинистика шагнула, по выражению кровно связанного с Торжком историка и философа М.Я.Гефтера, *не вширь, а вглубь*, когда детальному рассмотрению подвергается не общее, а частное.¹¹ Это и эпизоды из жизни самого Пушкина и его семьи, включая предков и потомков, и детальная история создания им отдельных произведений, это анализ рисунков, дневника, писем самого поэта и изучение жизни каждого его адресата. Исследуются судьбы всех, кто имел хоть какое-то отношение к Пушкину, к его семье, к его наследию. Чего стоят одни

только сборники *Михайловская пушкиниана*, издаваемые Музеем-заповедником А.С.Пушкина «Михайловское»! Вот, например, тема из сборника номер 51 за 2010 год: «*Онтология “вещей” в романе А.С.Пушкина “Евгений Онегин” и её “беллетризация” прижизненной критикой*». А ведь есть еще и знаменитый Пушкинский Дом в Санкт-Петербурге и десятки других музеев по всей стране, в которых работают сотни исследователей... Пушкина изучают не только литературоведы, историки и философы, но и художники, и театроведы, и врачи... Сколь был всеохватен сам Пушкин, столь всеохватен и интерес к нему. То есть всецелое изучение Пушкина уже давно распалось на атомы, из которых, возможно, когда-нибудь вырастет нечто единое, общее, целое. Ведь подлинной биографии поэта, той, которая бы удовлетворила нас и ответила на все вопросы, – все еще нет... Но не исключено, однако, что таковой уже и не будет. «*Его [Пушкина] владения неисчислимы нашего знания и сознания, он присвоен кровообращением народа, да так и передается – из пульса в пульс, из поколения в поколение*», – написала в 1981 году Белла Ахмадулина, кстати после просмотра документального фильма *Земля Тверская, пушкинские места*.¹²

Почему же невозможно уже написать полную, всеобъемлющую биографию Пушкина?

Да потому, что А.С.Пушкин, как и всякий гений, многолик и неуловим и в каждом исследовании, книге или очерке о нём незримо присутствует и сам исследователь. Можно сказать, что, исследуя Пушкина, мы в не меньшей степени изучаем себя. И чем больше книг, научных монографий, популярных очерков и просто воспоминаний – тем дальше отдаляемся мы от истины. В этом случае истина множится, распадается на десятки и сотни имеющих право на жизнь «правд» и перестает существовать. И всякий пушкинист скажет, что Александр Сергеевич был и остается самой большой загадкой русской литературы и русской культуры, несмотря на гигантскую библиографию о нём... Это не парадокс – это правило!

Так вот, чтобы ответить на вопрос о роли и месте В.Ф.Кашковой в пушкиниане, зададимся еще двумя вопросами. Первый: какую роль в жизни Пушкина играла тверская земля? Второй: многое ли об этом за двести лет написано?

Ответы на оба вопроса очевидны. Тверская земля, с её Малинниками, Берновым, Торжком, Старицей, Прутней, Павловским, с Государевой дорогой и с самой Тверью, играла в жизни Пушкина весьма значительную роль. А вот исследований об этом – не много. А те, что когда-то имелись, были забыты. Как вспоминает Кашкова в своей книге *Рядом и далеко*, в пятидесятые

годы прошлого века на историко-филологическом факультете Калининского пединститута тема связи Пушкина с тверской землей не звучала вовсе, хотя *«еще в конце XIX – начале XX веков были опубликованы материалы С.А.Фессалоницкого, И.А.Иванова, В.И.Колосова о пребывании А.С.Пушкина в кругу старицких дворян, о творческих связях поэта с тверским краем. Удивительно, что фамилии краеведов-исследователей не упоминались у филологов, а к литературному краеведению относились как к праздной забаве. Словно кто-то ставил барьер на дорогах, которые повели бы нас к открытиям, оживили память, разбудили в душах чувство родства с тверской землей, которая была такой гостеприимной для многих поэтов, писателей, художников, композиторов»*.¹³

Кстати, Кашкова вспоминает, что и само выражение *«тверская земля»* было под запретом вплоть до середины восьмидесятых и в грубой форме вычеркивалось редакторами из публикаций!.. Поэтому воскрешать память о связях А.С.Пушкина с тверской землей стало возможным уже в новую эпоху. И тверской Пушкин – плод многолетних усилий торжокской интеллигенции кануна XXI века, и прежде всего В.Ф.Кашковой, написавшей несколько книг на эту тему, и в обширной пушкиниане эти полные света, любви и чистоты русского слова книги занимают достойное место.

Но деятельность Кашковой не ограничивается лишь книгами. Здесь и бесчисленное множество статей, интервью, теле- и радиопередач, докладов на научных конференциях, выступлений на памятных вечерах, посвященных Пушкину, на презентациях книг, как своих, так и коллег-писателей.¹⁴

Добавим к этому многолетнюю работу по организации музея Пушкина в Торжке, по подготовке и проведению ежегодных Пушкинских праздников поэзии, по открытию множества выставок и экспозиций, так или иначе связанных с Пушкиным и всем XIX веком, и многое-многое другое, о чем, я уверен, будет и сказано, и написано самими новоторами. Ведь Валентина Федоровна Кашкова прямым образом связана с зарождением на тверской земле счастливого *«братства тех, кому не безразличны судьбы русской культуры, поэтическое слово, озаренное светом Пушкина»*...

И вся эта подвижническая деятельность ценою в жизнь была направлена на то, чтобы сохранить память о великом поэте России, а когда надо – защитить его имя от наветов, лжи и пошлости. И друзья Валентины Федоровны знают, что в отстаивании чистоты имени Пушкина, как, впрочем, и всей русской литературы, она не знала компромиссов. А вот страдала она, наслушавшись очередной пошлости, не на шутку. Представляю, с какой горечью записывала в дневник Кашкова свои впечатления о просмотренной телепередаче:

«Я понимаю, что слащавое нанизывание всем известного надоело. Но это мерзкое смакование худшего, пошлого, радостное, вздох, – такая постыдная черта некоторой части нашей пишущей и снимающей “элиты”...»¹⁵

Конечно, книжная строка не может передать всю горечь, а иногда и просто отчаяние, которое охватывало Валентину Федоровну после какой-нибудь очередной пошлости по отношению к памяти ее любимого поэта. И руки опускались, и слезы были от собственного бессилия противостоять потоку какой-нибудь новой «клеветы и лжи». Но Кашкова каждый раз брала себя в руки и садилась за письменный стол... Давным-давно, в трагический судьбоносный час, её детскую душу спасли пушкинские стихи. Да и затем, в продолжение жизни, они выручали, спасали, лечили не единожды. И Валентина Фёдоровна отдавала долг своему спасителю, и, кажется, отдала сполна... Жизнь без Пушкина – самое страшное, что может случиться с русской культурой, с нами вообще, и Кашкова постоянно предостерегала от этого. И если мы всё еще не забыли своего Первого поэта, если все еще наслаждаемся его словом, то только благодаря таким подвижникам, какой была Валентина Федоровна Кашкова.

*Пред ликом Пушкина горит моя лампада,
Сквозной поток колеблет малый свет.
Пред ним стою и с ним держу совет,
И этот миг – желанная отрада...*

Торжок

Философ В.В.Розанов размышлял, что *«сидеть на месте» хорошо только с запасом большого движения в душе. Кант всю жизнь сидел: но у него было в душе столько движения, что от “сидения” его двинулись миры»*.¹⁶

Так вот, все последние годы В.Ф.Кашкова в основном пребывала дома, в своей двухкомнатной квартире, то есть *сидела на месте*, как и Иммануил Кант, *с запасом большого движения в душе*. И от этого её «сидения» двигался Торжок. Это чистая правда!

В моём представлении Кашкова и Торжок нераздельны. И эта нераздельность мне видится не только в том, что Валентина Федоровна родилась и всю жизнь прожила в Торжке, оставила ему сердце и душу и, наконец, навсегда упокоилась в его пределах. И даже не только в том, что она посвятила городу бóльшую часть своих книг и завещала Торжку своё литературное наследство...

Чувствую, что еще нечто более значительное связывает древний Торжок и Кашкову...

Но что именно?

Признаюсь, я не в силах ответить.

Может, то, что Валентина Федоровна своей жизнью и деятельностью во многом придала Торжку особенный и почетный статус пушкинского места, вместе с друзьями добилась того, что в пушкиноведении появился совершенно неожиданный тверской или верхневолжский Пушкин?.. Это необычный и малоизученный Пушкин-странник, поэт, находящийся в пути, в дороге, в странствии, в вечном движении по городам и весям России, и, поскольку сам Торжок стоит на пересечении сразу нескольких древнейших и важнейших артерий, этому городу суждено было стать неким центром странствующего Пушкина. Кашкова своими чутьем, знанием, интуицией и, конечно, недюжинным энтузиазмом сумела увлечь духовно образованных новоторов: учителей, библиотекарей, краеведов, музейных работников, поэтов, художников, музыкантов и даже чиновников из местных администраций. Являясь в продолжение нескольких десятилетий центральной фигурой в формировании тверской пушкинианы, она соединила целый пласт людей, которых можно назвать новоторжской интеллигенцией...

Но, быть может, то главное, что соединяет Кашкову и Торжок, находится в совершенно иной, метафизической, плоскости? Да, скорее всего, ключ к разгадке где-то здесь. Ищите!

*Сбегают улочки к реке,
Торопятся с горы скатиться
В уездном городе Торжке -
Моей столице...
Здесь стариною дышит вал,
В забвеньи дремлет городище,
Между веками интервал
Глаз суетливый не отыщет...
- Постой, прохожий! Не спеши,
Ты посмотри, какие дали -
Ведь это праздник для души,
И лучше ты найдешь едва ли!
Сверкают в небе голубом,
Парят танцующие птицы...
Над вечным памяти костром
Пух тополиный чуть дымится
И тает где-то за рекой
В тревожных отблесках зарницы,*

*А эхо пушкинской строкой
К нам успеваает возвратиться...*

* * *

Изложенное – лишь малая толика того крупного и незаурядного явления, какое представляет собой В.Ф.Кашкова. «*Большое видится на расстоянии*» – казалось бы, изъезженная, избитая фраза, а все ж – верная! И одного года, пожалуй, маловато, чтобы осмыслить жизнь и творчество этой нашей великой соотечественницы. Но всё еще впереди, и мы еще сможем многое успеть для сохранения памяти о Валентине Федоровне. И когда наши потомки обратятся к её наследию, к её книгам и строго спросят с нас, нам будет что им ответить.

Аура, апрель 2012

Примечания

¹ Лихачев Д. С. *Слово о Пушкине // Театральная жизнь*. – 1987.

² Кашкова, В.Ф. *Я к вам лечу воспоминаньем...* – Тверь. 1997. С.205.

³ Кашкова, В.Ф. *Утешен буду я любовью...* – Тверь. 2001. С.188.

⁴ Кашкова, В.Ф. *Голоса из тревожного детства*. – Тверь. 2003. С.19.

⁵ Там же. С.29-30.

⁶ Там же. С.32.

⁷ Там же. С.124.

⁸ Кашкова, В.Ф. *Я к вам лечу воспоминаньем...* С.8.

⁹ Писигин, В.Ф. *Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург*. – М.: 1977. С.82.

¹⁰ Писигин, В.Ф. *Эхо пушкинской строки*. – М.: 1998. С.46-47.

¹¹ М.Я.Гефтер (1918-1995), историк, философ, общественный деятель. Зимой 1942 г. был ранен в страшной мясорубке под Ржевом и лечился в Торжке, в военном госпитале. С 1987 г. и до последних дней Михаил Яковлевич был моим учителем и старшим другом. Я и мои друзья из Набережных Челнов издали единственную его прижизненную книгу *Из тех и этих лет* (1991). В те годы я ничего не знал о связи Гефтера с Торжком, а когда узнал, Михаила Яковлевича уже не было. И узнал от всё той же В.Ф.Кашковой. О Гефтере она пишет в своей книге *Голоса из тревожного детства*. С.199-204.

¹² Ахмадулина, Белла. *Здесь он ходил*. В кн. *Тверской венок Пушкину: сборник*. – Калинин. 1989. С.117.

¹³ Кашкова, В.Ф. *Рядом и далеко. Тверские этюды о Пушкине*. – Тверь. 2008. С.19-20.

¹⁴ Здесь уместно обратиться к Библиографическому указателю «Я к вам пишу...» *По страницам жизни и творчества В.Ф.Кашковой*, подготовленному Торжокской районной библиотекой и изданному в 2003 г., разумеется, с учетом того, что со времени выхода этого Указателя и до своего ухода из жизни Кашкова еще очень многое и многое успела.

¹⁵ Кашкова, В.Ф. *Утешен буду я любовью...* – Тверь. 2001. С.126.

¹⁶ Розанов, В.В. *Уединенное*. В кн.: Розанов В.В. *Опавшие листья: Лирико-философские записки*. – М.: Современник, 1992. С.65.